

Ирония Кана

On-line-дискуссия 15–16 октября 2018 /

Kahn's Irony

Online Discussion of 15-16 October, 2018

ПЕТР КАПУСТИН Друзья и коллеги, хорошо знакомые с творчеством Луиса Кана и ценящие его, к вам вопрос: был ли Кан склонен к иронии (или юмору) в своих постройках (и текстах тоже)? У нас в обсуждении эта тема всплыла и меня лично поставила в тупик. Если «да», то многое меняется, но я полон сомнений...

МИХАИЛ ЯСТРЕБОВ Думаю, что дело не в иронии. Наверное, речь должна идти об игре, а игра может быть и серьезной, как в случае с Каном.

ПК Игра – это несомненно; всякое творчество игра. Но игры бывают разные, в т. ч. и жестокие. Здесь же за игрой ощутимо таятся намеки и какой-то вызов.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВ С текстами, увы, толком не знаком. А в форме все серьезно как-то... не слишком. Т. е. предположить иронию или ту самую игру вполне можно. Вот и заметный последователь, Марио Ботта, очень ироничен в своих работах.

ПК Александр Гербертович, что про Кана как ирониста? Возможна ли это характеристика?

АЛЕКСАНДР РАППАПОРТ Не просто возможна – необходима. Он ироничен ко всем периодам истории архитектуры – к римской классике и позднейшим, он ироничен к авангарду и модерну, он ироничен к самому себе и ко всем своим ценителям и недоброжелателям, он ироничен ко всем, кто находит или не находит в нем иронию, потому что он выходит за рамки логики и метода. Его ирония сократическая и строится на несводимости переживаний к концепции; выходя в область чувственного переживания, она и вербализуема (подозрительно просто) и невербализуема в масштабности и геометрии.

ПК Апология, Александр Гербертович! Ну что ж, жанр законный, и я Вас понимаю. Да, кажется, уже лучше понимаю и Кана.

АР Первый и, на мой взгляд, очевидный ответ – Кан был ироничен к истории архитектуры: к авангарду, модернизму и к себе как продолжателю традиции и авангарда; без иронии эти совмещения невозможны. Но он шел дальше и как бы посмеивался над нами, нашими попытками разгадать тайну этой иронии, а тайна-то не в ней, а в нашей неспособности ее разгадать.

Архитекторы, историки и архитектурные критики спорят о возможности применить понятие ироничности к архитектуре, опираясь на творчество Луиса Кана. Стилиевые особенности реализаций Кана – попытка разрешения парадоксальности бытия, характерной для эпохи позднего модерна.

Ключевые слова: архитектура; Луис Кан; ирония; современная парадигма; авангард; стиль; игра; постмодерн. /

Architects, historians and architecture critics dispute about the possibility to apply the notion "irony" to architecture, basing on Louis Kahn's creative activity. The stylistic peculiarities of his works demonstrate his attempt to clear up the paradoxicality of existence typical of the era of late modernism.

Keywords: architecture; Louis Kahn; irony; modern paradigm; avant-garde; style; game; postmodern.

Иначе говоря, в нашем «интеллектуализме», который компенсирует недостаток чувственности. Загадка Кана в том, как он ухитрился пройти мимо постмодерна. Это не обгон и не забвение – это улыбка. Кан никогда ни над кем и ни над чем не смеялся. Его ирония – сократовская, удивление перед неспособностью утверждения.

НВ Да, Александр Гербертович. Прошел, можно сказать, перешагнув широким своим шагом.

ПК Но мог ли он позволить себе вступить неосторожно в постмодернистскую иронию? Очевидно, нет; и это не столько вопрос вкуса, сколько настоятельное требование «пойманного» им в Риме стиля, без которого он стал бы неинтересен и профессии, и критикам, и самому себе. Стиль же требовал постоянного балансирования на грани, что уже достаточно иронично.

МИХАИЛ БЕЛОВ Но любой текст всегда хотя бы чуть-чуть ироничен. Даже постановления Политбюро КПСС были по-своему ироничны. Неироничный текст – это как несоленая пища. А «ироничная архитектура» – это все равно, что «серьезная гречневая каша». К сожалению, таких псевдопонятий в архитектурный обиход запущено в избытке. В случае же с оценками Кана – тут уже полная и абсолютная «пересоленность», сделавшая архитектурную фразеологию несъедобной и непереваживаемой. Луис Кан – просто крупный мастер, виртуозно работавший с традиционными материалами, например, с кирпичом, в новых технологических и стилиевых реалиях XX века. У него много исключительных придуманных приемов, которые были растащены эпигонами и разражированы по всему миру. «Сделаем под Кана» – это сленговая внутрицеховая идеология конца XX века. В этом его величие, так мне кажется. А не в высосанной из пальца ироничности.

ПК Да, Михаил Анатольевич, все так. Вы обратили внимание на новый аспект: проекцию на Кана стереотипов «эпохи ироничности», но он в самом деле сумел дистанцироваться от постмодернизма. Такая проекция, наверное, возможна гипотетически, но, кажется, ее никто пока не осуществил. И я тоже совсем не хотел бы этого делать. Скорее наоборот: вопрос был о наличии у Кана иронии, поскольку я ее не видел, а коллеги видели. Мне

^ Институт биологических исследований Солка, Сан-Диего, США, 1959. «Неизмеримое: знать – это, вероятно, знать меньше». Луис Кан

Кан всегда представлялся скучным педантом, склонным пугать и отталкивать. Возможно, в этом и состоит его ирония. Она не веселая, хотя это, наверное, и не сарказм. Хорошо бы понять ее поточнее, различить с иными ирониями и иной серьезностью в архитектуре; в этом, наверное, часть его индивидуальности.

АР Не согласен. Мало владеть кирпичом и материалом для того, чтобы стать Каном: нужна железная ирония. Что касается «серьезной гречневой каши», то спишем это на вольность Вашего пера.

ПК «Железная ирония» – это сильный тезис. Но не слышен ли в нем скрежет металла, а с ним и сарказм? «Ироничная архитектура» имеет примерно тот же статус несуществования, что и «серьезная гречневая каша» – это, как я понимаю, утверждение Михаила Анатольевича. И столь же нелепа как тезис. Эта игра образами не затрагивает Кана, это о нас, пытающихся понять и назвать, поскольку ирония есть везде и всегда. Это тоже очень сильный тезис. Мем «ироничная архитектура» позволяет охарактеризовать самые курьезные примеры; тем самым он как бы «оголяет» остальное поле: остальная архитектура оказывалась лишена иронии. Вот и Кана по этим основаниям (безусловно, нелепым) трудно было заподозрить в иронии. Александр Гербертович это знал, другие прозорливые коллеги – тоже. И теперь, кажется, мы или перестанем что-либо различать в ироничном мире, или научимся обнаруживать разнообразие иронических типов. Оно, насколько мне известно, еще плохо описано в теории и критике.

МЯ Кан не просто мастер кирпича. Тогда и Бунюэль просто мастер пленки...

ЕЛЕНА БАГИНА Судя по фильму, который снял его сын, Кан был замкнутым и очень серьезным во всем, что касалось архитектуры. Был ли он ироничен? Возможно. Но тогда это проявилось бы в текстах и воспоминаниях его коллег и учеников.

ПК И так, можно ли быть настолько ироничным, чтобы этого никто не заметил?! Но все же внешние проявления и свидетельства современников вряд ли последняя инстанция. А фильм надо смотреть психоаналитикам, так пронзительно высказано там то сокровенное, что Кан хотел бы скрыть за грубыми фактурами.

ЕБ Направленность иронии имеет значение. Если никто не замечает иронии, она направлена внутрь. Хотя, наверное, даже такая направленность имеет внешние проявления. А свидетельства современников – отнюдь не последняя инстанция.

АР Ирония очень часто совсем не весела и не смешна. Смешно полагать, что ирония должна вызывать только улыбку. Европейская культура XIX – XX веков, да и китайская классическая литература знают совсем другую иронию.

АР Существует несколько отлично проработанных концепций иронии: романтическая, сократическая... Мне, например нравятся дадаизм и абсурдизм как формы художественной иронии; очень симпатичен Иосиф Бродский в его радикальной иронии, Лев Лосев, Зощенко, Булгаков, да и тот же Бунюэль... Вообще мне непонятно, почему вдруг в архитектуре ирония оказалась под запретом. Вероятно, это результат связей архитектуры с идеологией и религиозными системами средневековья и тоталитаризма, хотя такой, скорее средневековый гений, как романтик и антиромантик Гоголь, весь соткан из иронии. В словосочетании «железная ирония» можно видеть игру слов: iron irony, или просто каламбур. Во всяком случае, я согласен с Пятигорским, который в «зверской серьезности» видел что-то вроде глупости.

ПК Сегодня, и давно уже, ирония в архитектуре никак не под запретом. Не так давно от нее спрятаться было некуда, как до того – от «зверьезности». Концепции хороши, но как только мы начнем использовать их для понимания чье-то творчества, сразу же попадаем в ловушку отождествления. В случае Кана это особенно досадно, ведь он явственно двигался самостоятельно. И если ирония, то какая-то тоже своя, кановская. Вы говорите «сократическая», но ведь Кан, в отличие от Сократа, не вызывал людей на открытый диспут, не прояснял позиций и мнений: скорее, задавал загадки и риторические вопросы. Его стихия – странное сочетание рационалистического света и мистического полумрака, светотень полуправды. В ней хорошо можно спрятать истины, укутав намеками, но вряд ли можно высунуть что-то про себя или про других, про общество, мир. Кан, насколько я понимаю, совсем не стремился к получению последних истин, возможно потому, что он уже знал их.

ЕБ Когда-то, в 80-х, я поступала в аспирантуру с темой «Категория иронии в архитектуре постмодернизма».

АР Это интересно: что понимал под иронией постмодернизм? Скорее всего, героическое саморазоблачение своих тоталитарных намерений. Интересно, что «бумажная архитектура» в СССР была наполнена именно такой формой профессионального критицизма. В парадоксализме Кана есть даже и эта нота – высмеивание архитектурного пафоса. Но он как ловкий жонглер ловил эти фигуры на свою волшебную палочку и превращал свое творение не в шутку или каламбур, а в страстное желание разрешения парадоксальности бытия.

ПК Александр Гербертович, Вам трудно не верить на слово, но такое утверждение слишком сильно и интересно, слишком стоит на грани воображаемого, чтобы не попросить детального анализа того, как это у Кана происходило. Было бы заманчиво выявить и посылить освоить такие чудеса, хотя я и понимаю, что этот феномен рационализации не подлежит. Но быть может, потом Вы все-таки обратитесь к нему и найдете язык для описания этого феномена? Ибо здесь, кажется, ответ и на иронизм Кана, и на смыслы его архитектуры, и даже на что-то нам плохо известное еще, но важное и тревожащее.

Постмодернистская ирония так не умела. Отличить в ней защитное хихиканье при стыдливом использовании доставшихся в наследство штампов от социальной сатиры часто невозможно. «Бумажная архитектура» достигала своих сложных гуманитарных эффектов в силу того, что была графикой и могла включать в себя значительные объемы поэтического текста. Но увиденное Вами у Кана, при известной лапидарности его форм, удивительно и достойно детального анализа.

ЕБ Ироничная гречневая каша – прокисшая или пересоленная каша.

АР Нет, это каша, которая сама себя хвалит.

ПК Сказка про кашу не столь наивна, как может показаться. И не столь безобидна. Кану даже не надо было себя специально хвалить, ему хватало вводящих в ступор текстов и высказываний; конвенция отношения к ним как к высшей мудрости сложилась очень быстро. Подозрительно быстро: его хвалили многие, он вдруг стал принят критикой: никакой проблематизации, никакого серьезного анализа. Журнал L»Architecture d»Aujourd»hui № 142 (1969) полностью посвящен его творчеству: он там представлен живым классиком, хотя еще десять лет назад его практически никто не знал! Это беспрецедентно. Он очень быстро, но спокойно и уверенно, как ледокол, входит в модернистские святцы. И это в атмосфере жуткой конкуренции и раздрая 1960–70-х гг.! Можно предположить, что за этим скрыта еще одна

тайна модернистской истории. Кан был очень нужен, на него, на персонифицируемую им линию, видимо, возлагались надежды по спасению модернистской доблести.

В. Л. Глазычев пишет, что Элисон и Питер Смитсоны со-здали проект прикрытия отступления, в своем придуманном «брутализме» реабилитирующий все, что еще можно было реабилитировать из позднего модернизма. Корбюзье с опалубкой сюда вошел сразу же, ибо в первую очередь для него ковчежец и строился. В случае Кана это, вероятно, еще и проект по реабилитации профессии в целом как чего-то весомого, вечного, «вневременного», далекого от авантюры, от которых все уже устали в эпоху лунной, военной и пр. гонки, от завышенного доверия к новациям, от коммерциализации спасительных идей авангарда, которые никого не спасли. Кажется, интересно было бы посмотреть на Кана и на сопровождающую его трудноуловимую иронию не как на персоналистический феномен, но также и как на необходимую позицию, сформированную диспозитивом того времени. Кан относительно удачно и более-менее вовремя ее занял, попал в болевую точку, в «яблочко» эпохи.

АР Многое остается непроясненным, будучи очень важным. Не хватает и инструментария. Например, романтическая ирония в философии, как о ней пишет С. Г. Биченко (http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/2/Bichenko_Romantic-Irony/), имеет большое, хотя и скрытое влияние, но не имеет должной методологии.

ПК У нас похожая картина: налицо проблема скрытого влияния, требуется своеобразная методология, само существование которой не понято в полной мере.

НВ Я добавил бы, что для Кана юмор мог быть в том, что он не разменивался на сиюминутные вещи, а работал внутри архитектуры (с материалом, формой, пространством, светом), не привлекая лишней раз внеархитектурные категории в ту эпоху, когда архитектура была политической, коммерческой или той и другой вместе. Собственно, даже появление т. н. постмодернизма просматривается вне всего этого «дискурса» с текстом, цитатами и т. п. вещами – просто по внутренней логике формообразования и композиции (как и в 1930-е, но там уж точно на политику все принято списывать). Кан был на шаг впереди и в другом масштабе развития.

ПК Это интересно: ирония в том, чтобы делать свое дело в то время, когда все сходят с ума! Посмеиваться над политической и коммерческой ангажированностью, с рыцарской стойкостью удерживать линию, которую считаешь верной. Если проделывать такое без иронии, надо быть конченным педантом (и Кан вполне может предстать таковым: я и видел его таким как раз потому, что не выделял из общего контекста архитектуры того времени, не отдавал отчета в потребной Кану энергии для того, чтобы быть Каном). Вы, стало быть, против культурологических, скажем так, объяснений архитектурных событий? Да, Кан в этом свете, пожалуй, единственный, кто тогда бескомпромиссно «мерил архитектуру архитектурой»

НВ Я бы замахнулся тут на старика нашего Оккама: для интерпретации ментальный контекст необходим, для объяснения – всего лишь важен. Объяснение и не претендует обязательно на глубину. И попытки (само) обновления и самоограничения в современной парадигме как раз призваны отстраниться от контекстов. Вопрос, конечно, в том еще, можно ли вообще вытащить себя за волосы. И та субстанция, с которой работал Кан (и, например, Скарпа) – это, возможно, точка опоры. В более широком взгляде концептуализация ничего не добавляет к наличным формальным качествам, хотя, бесспорно, может дать множество своих. Кан разрабатывал формальные. Во второй половине века это может выглядеть и старомодным, и педантичным, и ироничным.

Кан остается крупнейшей фигурой (за ней маячат Танге и Рудольф, к примеру), полностью и сознательно проигнорировавшей «революцию» тектоники Корбю и Миса. И мы знаем сейчас, что она не до конца состоялась: архитектура не была сведена (что бы ни писал когда-то Вентури) к «одномерной» дематериализующей субстанции (прозрачное/непрозрачное). Таким образом, ирония Кана – еще и в завидной последовательности собственного движения.

ПК Появляется тема «ортогональности» Кана некоторым конвенциям модернизма. Кан, пожалуй, не был озабочен проблематикой собственного языка или стиля, как можно было бы предположить, поставив в ряд «пионеров». Кан в этот ряд не встает, он захватывает что-то из «до» и «после» модернизма – пронзает ряд. Какие конвенции он отвергал? Тектонику (или то, что с ней сделали Мис и Корбю) – несомненно, а вместе с ней и культ «выражения конструкции» и вообще всякое серьезничество про конструкцию (вот тут можно бы уже увидеть иронию: он лепил или монтировал из чего-то, отдаленно напоминающего конструктивные паттерны, свои едва ли не сновидческие образы). Масштабность, о которой говорили: у него выраженной субстанциальность, чем у позднего Корбю. «Функция» его явно не волновала (как, впрочем и Миса). И иронии можно видеть во всем – ту, о которой уже хорошо сказано: без смеха, без сарказма, без профанации.

Насчет социального, культурного, политического контекста (а ментального – в силу принятия всего в тот или иной менталитет): Вы правы, здесь много дорожек. Мы немного отравились объяснениями всего через внеархитектурное; теперь интереснее попытаться пределы имманенции. А пределы в объяснении и интерпретации есть. И в случае Кана очень хочется такую имманентную линию увидеть: когда все арх. образы рождаются от арх. образов же, наследуют им, остраивают их... Но Кан не так прост: он ведь еще и Литератор! Как минимум два горизонта дискурса у него есть, и они явно связаны, соотносены. Тут уж ментальный (в индивидуальном исполнении) контекст неустраим. Кстати, в одной разновидности иронии мы можем Кану точно отказать: в иронии Диогена, в лингвистическом нигилизме. Хоть Кан и не мой архитектор, но немой его не назовешь. Ему несложно было вытягивать себя за волосы: у него была еще и эта точка опоры, а не одна только форма. Как он это проделывал, сколько здесь лукавства и фокусничества, а сколько волшебства и магии, мы, наверное, не выясним никогда. Это останется вопросом веры и вкуса, чувствительности и воображения, т. е. неверифицируемого (что отродно для феноменологии архитектурного творчества).

Марат Невлютов Очень интересная дискуссия образовалась вокруг ироничности Кана. Тут, конечно, нужно понять, о какой иронии мы говорим: Сократ, Шлегель, Кьеркегор, Гегель, Маркс, Бергсон (его смех близок к концепту иронии), Лефевр, Рорти, Слотердайк и прочие... Ирония – это повторение прошлого, которое показывает отделенность внешних форм от их прежнего содержания, закостенелость и механистичность по отношению к подвижным, изменчивым смыслам (как и смех Бергсона). Если понимать иронию как знаки или формы, отделенные от их смыслов так, как это делали те, кого мы называем постмодернистами, то Кан не ироничен. Лефевр (который считал иронию своим методом) говорит, что такая версия иронии не является эффективной, так как не привносит ничего извне, а лишь отрицает. Но есть и иная ирония. Так, Кьеркегор предлагал различать два типа: освобождающую иронию и отрицающую иронию. Лефевр спасает иронию Сократа от нигилизма и вслед за Кьеркегором говорит, что ирония может быть не только негативной, но может предоставлять возможность

или невозможность, определять направление движения необязательным образом, показывать желание или нежелание камней быть сложенными в арку. И тут Кан может быть ироничен.

ПК Да, последняя из описанных Вами вариаций в самом деле приближается к Кану. Если суммировать все сказанное, придется признать, что Кан был чрезвычайно индивидуальным человеком, он нашел удивительно тонкий, постоянно действующий, но вместе с тем ненавязчивый и не надсадный вид иронии. Не нашел, но породил его и держался в его устойчивых эманациях. Тогда и фраза об окне и ей подобные тоже иронична, как всякое напоминание заблудшим об истоках, о подлинном; на этот момент, как я понял, обращает наше внимание Николай Васильев. Да, это сократическая стратегия, конечно, хотя он разговаривал не с горожанами на площади, а с вещами и субстанциями, через них, посредством их. Это и есть дело архитектора.

В нашей дискуссии меня больше всего удивляет не столько открывающийся образ Кана, сколько другое открытие: возможность существования неявных, даже скрытых стратегий длительного действия со сложным содержанием в столь безумном пространстве, каким был XX век. Когда все эксплицитно и предельно явлено, когда конкуренция зрелищ огромна, возможна, оказывается, эффективная, заметно влияющая на моду позиция неявного, не экзальтированного продвижения идей в формах, как бы и не вступающих в конкуренцию с модным рынком поздних модернистских образов. Да, это хорошая ирония!

Надеюсь, мы продолжим интересную дискуссию в иных форматах.

v Институт биологических исследований Солка, Сан-Диего, США, 1959. «Обстоятельства создания – это только форма для отливки». Луис Кан

